Научная статья / Original Article

Зарубежная трудовая миграция в поздней Российской империи: практики регулирования в отсутствие закона

Галина Е. Рулева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Российская Федерация

https://orcid.org/0009-0007-2976-4687

Рекомендация для цитирования:
Рулева Г. Е. (2025) Зарубежная трудовая миграция в поздней Российской империи: практики регулирования в отсутствие закона. *Социология власти*, 37 (4): 249-268
EDN: UYWUVL

For citation:
Ruleva H. (2025) Foreign Labor Migration from the Late Russian Empire: Regulation Practices in the Absence of Law. *Sociology of Power*, 37 (4): 249-268

Поступила в редакцию: 02.03.2025; прошла рецензирование: 01.06.2025; принята в печать: 21.09.2025
Received: 02.03.2025; Revised: 01.06.2025; Accepted: 21.09.2025

© Author, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Резюме: Статья посвящена вопросу о механизмах регулирования трудовой миграции из Российской империи начала XX века в ситуации отсутствия единого эмиграционного закона. Исследование выполнено в рамках направления в истории миграций, фокусирующегося на правительственной политике в странах эмиграции как необходимом элементе для реконструирования глобальных миграционных процессов. Проведенный при помощи конкретно-исторического и сравнительно-исторического методов анализ источников позволил выявить стратегии и практики правоприменения в отношении трудовых мигрантов и эмиграционных агентов — посредников между мигрантами и пароходными компаниями — на примере Минской и Гродненской губерний, жители которых отправлялись на временные заработки через Атлантический океан. Так как паспортное законодательство и связанные с ним уголовно-правовые нормы устаревали и игнорировались не только мигрантами, но и чиновниками, необходимо было выработать единые процедуры для контроля миграционных процессов. Одной из таких процедур было применение статьи 62 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, для взыскания штрафов с крестьян, отправлявшихся на заработки за рубеж без установленного заграничного паспорта. Другая процедура контроля была связана с применением Положения о государственной охране для административной высылки эмиграцион-

ных агентов, которые способствовали тайному переходу границы трудовыми мигрантами. Делается вывод о том, что практики применения административного права не были адаптированы для охраны интересов мигрантов. Изменения в уголовном законодательстве в сочетании с систематическим использованием Положения о государственной охране, с одной стороны, способствовали упрощению и стандартизации легальных процедур, с другой — приводили к возрастанию интенсивности эмиграционных потоков.

Ключевые слова: зарубежная трудовая миграция, Российская империя, правоприменение, Положение о государственной охране

Foreign Labor Migration from the Late Russian Empire: Regulation Practices in the Absence of Law

Halina Ruleva

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation
https://orcid.org/0009-0007-2976-4687

Abstract: The article raises the problem of legal mechanisms and techniques used for the regulation of foreign labor migration from the late Russian empire, where a unified emigration law did not exist. The research situates itself within the framework of migration history, emphasizing the need to analyze government policies in countries of emigration (points of exit) for a better understanding and reconstruction of global migration processes. A historical analysis of archival and published sources has identified the main strategies and practices of law enforcement imperial actors used in order to control temporary labor migrants from Grodno and Minsk provinces, who crossed the Atlantic, and emigration agents who were intermediaries between out-migrants and steamship companies. In the situation when passport legislation and norms of criminal law appeared to become outdated and ignored by both migrants and imperial officials, it was crucial to work out unified procedures for the control of migration processes. Article 62 of the Statute of Punishments Applicable by the Justices of the Peace was used in order to impose a fine on those peasant laborers who went abroad without a foreign passport. The Statute of State Security was brought into play to expel emigration agents who helped labor migrants cross the imperial border illegally. Practices of administrative law enforcement were not adapted for the protection of migrants' interests. Changes in the Penal Code, combined with a systematic usage of the Statute of State Security, resulted in simplifying legal procedures as well as in intensifying processes of foreign labor migration.

Keywords: foreign labor migration, late Russian empire, law enforcement, the Statute of State Security

Введение

Российская империя в начале прошлого века стала источником глобальных миграционных потоков: одновременно с массовой еврейской эмиграцией среди крестьян западных губерний распространилась практика временного выезда на заработки за рубеж. Дороговизна и длительность процесса получения заграничного паспорта приводили к частым случаям нелегального пересечения сухопутной границы с Германией и Австрией, откуда трудовые мигранты отправлялись на пароходах иностранных компаний через Атлантический океан. Несмотря на неоднократные попытки представителей российских пароходств облегчить условия выдачи заграничных паспортов с целью направления мигрантов к имперским портам Балтийского моря, эмиграционный закон, разрабатывавшийся рядом межведомственных комиссий, так и не был принят в Российской империи до начала Первой мировой войны (Тудоряну 2000; Kukushkin 2007). Тем временем только в период с 1901 по 1910 г. количество выехавших из империи в страны Северной и Южной Америки возросло до 1,8 млн чел. (Кабузан 2004). Значительная часть трудовых мигрантов продолжала пользоваться услугами эмиграционных агентов — посредников, занимавшихся рекламой услуг российских и иностранных пароходных компаний, оформлением документов (зачастую подложных), продажей билетов на пароходы и нелегальным переводом крестьян через сухопутную границу.

Цель исследования — проследить, как в отсутствие единого эмиграционного закона губернские, полицейские и жандармские власти справлялись с контролем миграционных потоков, а также выяснить, каким образом и до какой степени механизмы, предусмотренные имперским законодательством, позволяли регулировать деятельность посредников и охранять интересы мигрантов. В фокусе статьи — Минская и Гродненская губернии, жители которых активно выезжали за границу, преимущественно в Соединенные Штаты и Канаду, в начале XX века.

Данное исследование принадлежит к направлению в истории миграций, которое фокусируется на правительственной политике в странах эмиграции (points of exit) как необходимом элементе для реконструирования глобальных миграционных процессов (Green 2005; Green, Weil 2007; Zahra 2014, 2016; Pešalj, Steidl et al. 2023). История миграции из Российской империи, в свою очередь, тесно связана с правовой и административной историей, занимающейся вопросами паспортного законодательства (в том числе заграничных паспортов) (Чернуха 2007), имперских правовых режимов и подданства (Burbank 2006; Borisova, Burbank 2018; Lohr 2012), управления и контроля за границами империи (Akelev, Gornostaev 2023; Pianci-

ola 2020). Однако история трудовой миграции — временного отъезда крестьян на заработки за пределы Российской империи, не связанного с утратой подданства, — и ее правового урегулирования оказалась практически вне поля зрения исследователей.

Работы Н. Л. Тудоряну до сих пор представляют наиболее всесторонний анализ причин, условий (в том числе правовых), обстоятельств и последствий трудовой миграции из Российской империи (Тудоряну 1986, 2000). Для рассмотрения правоприменительной практики по отношению к трансатлантической трудовой миграции из западных губерний важна монография В. Кукушкина, проанализировавшего в том числе и «устаревшее» паспортное законодательство, которое мигранты игнорировали (Kukushkin 2007, p. 59). Э. Лор, сосредоточившись на вопросах подданства в связи с эмиграцией и денатурализацией, тем не менее упомянул о строго негативном отношении правительства к эмиграционным агентам и кампаниях по их поимке (Lohr 2012, p. 94–95). В последнее время наблюдается интерес исследователей к отдельным аспектам трудовой миграции — например, ее экономическому влиянию на северо-западные губернии (Иванов, Котов 2020) и организации нелегального перехода мигрантами западной имперской границы в Варшавском генерал-губернаторстве (Комаров 2024a, 2024b).

Некоторые практики регулирования трудовой миграции из Российской империи получили в историографии частичное освещение. В частности, были проанализированы попытки ограничения активности эмиграционных агентов — посредников между мореходными компаниями и мигрантами. Исследователи упоминали как административные меры — высылку в порядке Положения о государственной охране, так и уголовно-правовые — применение статьи 328 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (Тудоряну 1986, с. 128–129; Иванов, Котов 2020, с. 72). Важно отметить, что эти меры, признаваемые нерезультативными, исследователи рассматривали изолированно, а не в комплексе с правовыми ограничениями, касавшимися самих трудовых мигрантов. Используемый в данной статье комплексный подход позволяет выявить трудности правоприменения, с которыми сталкивались имперские власти, стремившиеся контролировать миграционные потоки.

Источники и методология

Источниковой базой статьи стали законодательные акты Российской империи, делопроизводственные материалы (отчеты, переписка, полицейские протоколы) административных учреждений Минской и Гродненской губерний, хранящиеся в Российском госу-

дарственном историческом архиве (РГИА) и Национальном историческом архиве Беларуси в Минске (НИАБ) и Гродно (НИАБ в Гродно), а также публикации правоведов в периодической печати. Хронологические рамки исследования — 1900–1914 гг. — соотносятся с периодом наиболее активного выезда за рубеж на заработки среди крестьян западных губерний империи. Всего было проанализировано 22 архивных дела, отобранных по тематическому принципу (наличие в заголовках сочетаний «эмиграция крестьян в Америку», «тайная эмиграционная деятельность», «подстрекательство крестьян к выезду за границу» и т.п.). Указанные дела можно разделить на несколько взаимно пересекающихся групп: 1) материалы межведомственных комиссий по вопросу эмиграции в Петербурге, содержащие отзывы губернаторов о проблеме (3 дела); 2) отчеты местных органов власти о трудовой миграции за границу из отдельных уездов и губерний в целом (4 дела; всего 62 отчета); 3) переписка о выдаче заграничных паспортов и взыскании штрафов за их просрочку с крестьян (3 дела); 4) расследования деятельности тайных эмиграционных агентов (14 дел; 15 расследований).

Изученные источники дают представление об условиях миграционных процессов и отношении к ним местных властей, а также позволяют реконструировать стандартные процедуры привлечения трудовых мигрантов и тайных эмиграционных агентов к ответственности. Однако отсутствие на местах систематического учета выезжавших на заработки за границу и эмиграционных агентов накладывает ограничения на использование источников для воссоздания статистически точной картины зарубежной трудовой миграции. Проведенный при помощи конкретно-исторического и сравнительно-исторического методов анализ источников позволил выявить наиболее распространенные стратегии и практики правоприменения на центральном и местном уровнях в процессе регулирования зарубежной трудовой миграции в поздней Российской империи.

Паспортное законодательство и зарубежные трудовые мигранты

Согласно действовавшему законодательству, каждый выезжающий из Российской империи за границу должен был оформить заграничный паспорт. Условия его получения были прописаны во втором разделе Устава о паспортах (изд. 1903 г.). Для трудовых мигрантов-крестьян оформление паспорта было сопряжено с длительными и сложными бюрократическими формальностями. Сначала нужно было получить внутренний паспорт (вид на жительство), а также

свидетельство от волостного правления об отсутствии числящихся за крестьянином недоимок, затем представить это свидетельство местному полицейскому начальству (становому приставу). Следующей инстанцией было уездное полицейское управление: после проверки предоставленных местными учреждениями сведений исправник выдавал свидетельство о неимении препятствий к выезду за границу согласно ст. 165 Устава (Устав о паспортах 1913, с. 74). С этим свидетельством, видом на жительство и заявлением, оплаченным гербовым сбором (75 коп. за лист) (Там же), крестьянин обращался в канцелярию губернатора, который и выдавал искомый документ (Яновский 1909, с. 99–100; Яшунский 1911, стб. 2898). Вся процедура, по разным сведениям, занимала вплоть до нескольких месяцев и обходилась в 30–40 руб.[1] Длительность, сложность и высокую стоимость получения заграничного паспорта признавали местные и петербургские чиновники (НИАБ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 559. Л. 180–180 об.; НИАБ в Гродно. Ф. 18. Оп. 2. Д. 6. Л. 158 об.; РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 614. Л. 43 об.), публицисты-правоведы и представители пароходств (Яновский 1909, с. 99–101; Яшунский 1911, стб. 2898; Тизенко 1909, с. 17–21). Неоднократно звучали предложения об упрощении и удешевлении паспортных процедур. Чиновники Белостокского уездного съезда в ответ на запрос МВД, последовавший летом 1907 г., красноречиво охарактеризовали паспортное законодательство с точки зрения его регулятивной функции: «действующая система не удерживает людей от эмиграции, а только лишает казну значительного дохода» (НИАБ в Гродно. Ф. 18. Оп. 2. Д. 6. Л. 118 об., 221).

Бюрократические формальности, по убеждениям современников, были одной из причин нелегального пересечения границы. Крестьяне, отправляющиеся на заработки за океан, в большинстве случаев отказывались от получения заграничного паспорта. Современники оценивали долю беспаспортных эмигрантов из Российской империи приблизительно в 75% (Тизенко 1909, с. 34), в историографии доля выезжавших легально за рубеж варьируется от 10 до 25% или даже 50% (Тудоряну 1986, с. 134; Lohr 2012, p. 95, 239). Так как статистические данные о трудовых мигрантах, выезжавших нелегально,

1 Согласно подсчетам представителей Добровольного флота и Русского Восточно-Азиатского пароходства — компаний, содержавших трансатлантические линии Либава — Нью-Йорк, на основе свидетельств мигрантов — траты на заграничный паспорт составляли 33 руб. 45 коп., в том числе: 15 руб. — канцелярский сбор за сам документ, выдаваемый на полгода, 1 руб. 50 коп. — две гербовые марки на прошение о выдаче паспорта, до 11 руб. — поездки в местные учреждения за полицейским свидетельством и т.д. (РГИА. Ф. 95. Оп. 5. Д. 587. Л. 27, 29).

отсутствуют в масштабах всей Российской империи[1], основными источниками остаются донесения земских начальников и местной полиции. Так, за первые пять месяцев 1907 г. из 17 волостей Слуцкого уезда Минской губернии на заработки за границу выехало 429 человек, в том числе 9 женщин, в то время как из выданных до 25 мая 1907 г. 1822 заграничных паспортов крестьяне получили только 115, а остальные выезжали по внутренним сословным паспортам, т.е. фактически нелегально (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7703. Л. 1–4). По состоянию на 1911 г. из Трофимовской волости Сокольского уезда Гродненской губернии выехали 892 мужчины и 230 женщин, причем заграничные паспорта получили лишь 12 человек (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 239 об.). За семь месяцев 1913 г. из Гродненской губернии выехали 7361 человек с заграничными паспортами, а около 3000 человек, по подсчетам губернской канцелярии, мигрировали тайно (впрочем, местная администрация признавала, что точное число выбывших нелегально «не поддается учету» (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 223)).

Факт нелегального пересечения границы трудовым мигрантом не фиксировался в момент отъезда, но мог быть установлен во время возвращения из-за границы. Дело в том, что для обратного въезда в Российскую империю требовалось предъявить заграничный паспорт, а в случае его отсутствия — проходное свидетельство консульства в стране, откуда возвращался мигрант. В консульстве для удостоверения принадлежности к русскому подданству (Устав о паспортах 1913, с. 98) крестьянин мог предъявить свой вид на жительство внутри империи. Проходные свидетельства выдавались по установленной форме, причем о факте выдачи консул сообщал в Петербург. Департамент полиции МВД передавал информацию о мигранте (фамилия, имя, отчество, место приписки, вероисповедание) и имеющихся при нем документах губернатору той губернии, где крестьянин был прописан. После получения сведений губернатор, как правило, обращался к уездному исправнику по месту прописки мигранта с уведомлением о привлечении мигранта к ответственности по ст. 62 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 25. Д. 380. Л. 176–177 об., 198–199 об., 689, 731–732, 745, 818). Согласно этой статье, каждый, кто выехал за границу без установленного паспорта, по возвращении подвергался штрафу в размере не больше тройной платы за заграничный паспорт (Устав о наказаниях 1879, с. 95). Кроме того, согласно ст. 200

1 Периодически в правительственных кругах заходила речь о необходимости регистрации всех выезжающих, но проект так и не был осуществлен (РГИА. Ф. 95. Оп. 5. Д. 586. Л. 304–304 об.).

Устава о паспортах, трудовой мигрант должен был возместить 15 руб. за каждое полугодие, проведенное за границей без действительного документа (Устав о паспортах 1913, с. 88). Нередки были случаи, когда крестьянин не мог оплатить штраф по причине несостоятельности (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 25. Д. 317. Л. 3 об., 8–9).

В ожидании паспортной реформы, которую в течение нескольких десятилетий готовило МВД, изменения и дополнения в порядок получения заграничных паспортов были ограничены рамками административных циркуляров. Циркуляры издавались министром внутренних дел, генерал-губернаторами и губернаторами в разъяснение паспортных постановлений и для регулирования бюрократических процедур. Так, в июне 1907 г. минский губернатор издал циркуляр, предписывавший полицеймейстерам и исправникам, среди прочего, при выдаче свидетельств о неимении препятствий к выезду за границу наводить справки о мигранте по месту приписки, если он живет в уезде, к полицейским властям которого обращается за свидетельством, менее месяца. Полицейские чиновники должны были выдавать готовые заграничные паспорта, присылаемые из губернской канцелярии, просителям в течение недели и во время вручения следить за тем, чтобы грамотные крестьяне и мещане оставляли свою подпись на первой странице паспорта, а на документах неграмотных ставилась соответствующая отметка. Последнее требование было повторено в новом циркуляре в ноябре того же года, так как чины полиции на местах не спешили его исполнять (НИАБ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 14524. Л. 15–17 об.). Как видно, следование нормам паспортного законодательства было обременительно не только для мигрантов, но порой и для представителей правительственных учреждений, которые были ответственны за правильное проведение этих норм в жизнь.

Подговор или распространение ложных слухов: Уложение о наказаниях и эмиграционные агенты

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных по своей форме должно было стать основным инструментом для контроля миграционных потоков. Его статьи 325–327 содержали строгие меры по отношению к тем, кто примет иностранное подданство, поступит на службу в иностранном государстве без разрешения имперского правительства, пробудет за границей дольше установленного законами срока и не возвратится в империю по требованию правительства (Уложение 1886, с. 221–222). Однако к началу XX века Уложение устарело — например, установленный статьей 207 Устава о паспортах максимальный срок пребывания за границей в пять лет (Устав

о паспортах 1913, с. 97) на практике не соблюдался (Яновский 1909, с. 98), а потому соответствующее положение ст. 327 Уложения теряло смысл и фактически не использовалось для контроля зарубежных трудовых мигрантов.

В связи с неуклонным развитием нелегального выезда за границу и непосредственно связанной с этим процессом деятельностью эмиграционных агентов особое значение приобретала ст. 328 Уложения о наказаниях. Она предусматривала наказание за подговор к эмиграции («Кто будет подговаривать каких-либо подданных империи к переселению за границу») в виде лишения всех особенных прав и преимуществ и ссылки в Сибирь или отдачи в исправительные арестантские отделения (Уложение 1886, с. 222). Так как основными функциями упомянутых агентов — посредников между эмигрантами и мореходными компаниями — были не только продажа пароходных билетов и помощь в получении заграничных (в том числе подложных) паспортов, но и информирование о перспективах заработка за границей, действие ст. 328 могло распространяться на этих посредников.

В условиях, когда деятельность эмиграционных контор по продаже пароходных билетов не регламентировалась отдельным законом[1], применение ст. 328 Уложения о наказаниях оставалось едва ли не единственным способом привлечения к ответственности недобросовестных агентов. Доказать факт подговора было нелегко: многие крестьяне во время полицейских дознаний утверждали, что едут на заработки по собственному желанию (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8453. Л. 7; Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 159), к тому же агенты нередко угрожали невозвратом мигранту денег за проезд в случае дачи обличающих агента показаний (Тудоряну 1986, с. 129). Однако практическая возможность возбуждения делопроизводства по статье о подговоре к выезду за границу оставалась, чем пользовались явные и анонимные доносчики, в том числе из среды самих эмиграционных агентов: чаще всего рассмотрение дел о нелегальной, или тайной, эмиграции начиналось или с задержания мигрантов вблизи границы при подготовке к ее переходу, или с доноса о злоупотреблениях, поданного в канцелярию губернатора (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7703. Л. 7–11 об., 30–30 об.; НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1646. Л. 4).

Принципиальное изменение редакции статьи 328 Уложения о наказаниях в 1906 г. привело к пересмотру подходов губернской

1 Эмиграционные конторы открывались на основании приложения к ст. 46 Устава торгового, то есть формально не отличались от различных торговых и комиссионерских предприятий, занимающихся куплей-продажей товаров, займами, наймом домов и пр. (Яновский 1909, с. 103–104).

администрации и полицейских чиновников в деле регулирования трудовой миграции. Согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 26 апреля 1906 г., подговор к эмиграции в формулировке статьи заменялся распространением «заведомо ложного слуха о выгодах переселения за границу с целью побудить к оставлению своего постоянного места жительства» (Уложение 1908, с. 320; Яновский 1909, с. 94). Наказание тоже существенно смягчалось: теперь виновные в распространении слухов подвергались тюремному заключению от 4 до 16 месяцев, и лишь те преступники, чьи действия повлекли разорение хозяйства выселившихся семейств, лишались прав и отдавались в исправительные арестантские отделения (Уложение 1908, с. 320). Отныне сложно доказуемый подговор сменялся почти недоказуемым распространением слухов, проверить и констатировать ложность которых — в том, что касалось, например, большей, чем в Российской империи, заработной платы в США (факт, признаваемый как местными, так и петербургскими чиновниками (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 233–233 об.; РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 614. Л. 27)), — для станового пристава или уездного исправника было практически невозможно. Более того, по свидетельству гродненского уездного исправника, следователи, рассматривавшие дела по ст. 328, не усматривали «уголовно наказуемых деяний» тайных эмиграционных агентов, так как они отправляли мигрантов «лишь на заработки» (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 18), т.е. не подговаривали их к отъезду из империи навсегда.

Наиболее убедительно о сложившейся в результате изменений 1906 г. ситуации свидетельствуют расследования деятельности тайных эмиграционных агентов, проведенные в 1906–1908 гг., сразу после вступления в силу новой редакции закона. Летом 1907 г. после серии анонимных доносов на представителя Северного пароходного общества, минского мещанина Гешеля Пейсахова Розина и его собственного ходатайства о распространении в Новогрудском уезде объявлений об услугах по консультированию мигрантов канцелярия минского губернатора навела справки об агенте. Оказалось, что он вместе с другими посредниками уже проходил по ряду дел о мошеннических действиях, а также обвинялся по ст. 328 Уложения о наказаниях. Однако еще в декабре 1906 г. Минский окружной суд вынес определение, согласно которому дело было прекращено «за отсутствием признаков преступления». Сведения минских полицейских чиновников о «порочной репутации» Розина подтвердил и начальник Минского губернского жандармского управления, но и он не смог собрать фактических данных, изобличающих Розина в отправке мигрантов за границу с подложными паспортами. В итоге дело закончилось распиской Розина в получении предупреждения: если он не прекратит нелегальной деятельности, то будет выслан из Минской губернии

в административном порядке (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7703. Л. 7–26 об.). Еще одно дело началось с опроса пяти крестьян Койдановской волости Минского уезда, задержанных в марте 1907 г. в Плоцкой губернии и направлявшихся к границе с Пруссией. Крестьяне заявили о том, что по собственному желанию решили воспользоваться услугами некой минской конторы по отправке в Америку. Дознание с протоколами опросов родственников крестьян (сами они к тому моменту находились за границей — очевидно, в результате более успешной попытки) и лиц, которые могли быть причастны к деятельности эмиграционной конторы, было препровождено канцелярией губернатора в Минский окружной суд в феврале 1908 г. Ответ прокурора был предсказуем: вследствие «последовавшего в 1906 г. изменения редакции» ст. 328 Уложения о наказаниях прокурор не нашел возможным возбудить предварительное следствие (Там же. Л. 28–55). Как итог, уже к концу первого десятилетия XX века упоминания о статье 328 в делах о нелегальном выезде за границу постепенно исчезают, что свидетельствует об окончательном отказе губернской администрации и полицейских чиновников от утратившей смысл практики.

Положение о государственной охране и сложности его применения

Универсальным выходом из ситуации отсутствия эмиграционного закона и невозможности применения статьи 328 Уложения о наказаниях для губернской администрации стало использование Положения о государственной охране («Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», 14 августа 1881 г.). В историографии встречается краткое описание механизмов его работы в отношении эмиграционных агентов и объяснение неэффективности такой меры. Так, Н. Л. Тудоряну отмечает, что в результате применения Положения губернскими властями срок высылки эмиграционных агентов в другие губернии обычно равнялся двум годам, причем во время высылки агенты продолжали заниматься пособничеством в нелегальной эмиграции, как в прежних местах проживания, так и в местах высылки. Тудоряну указывает на небольшую временную длительность этой меры, не приносившей «положительные результаты» (Тудоряну 1986, с. 128), однако не артикулирует пространственные аспекты применения Положения, о которых речь пойдет далее. Более того, он делает вывод о том, что деятельности агентов способствовали планы МВД по постепенному отказу от административной высылки (Там же, с. 129). Тем не менее вплоть до начала Первой мировой войны эта мера активно и широко применялась к посредникам в нелегальной зарубежной миграции.

Основными статьями Положения, используемыми в практике губернского начальства по отношению к эмиграционным агентам, стали ст. 32–34, которые описывали порядок административной высылки частного лица в определенную местность империи (ПСЗРИ 1885, с. 265–266). Переписка в порядке Положения инициировалась губернатором или местными полицейскими чиновниками на основании поступивших сведений о деятельности тайных эмиграционных агентов — источниками этих сведений в большинстве случаев были доносы, сообщения жандармских управлений и уведомления губернаторов соседних (в основном пограничных) губерний (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1653. Л. 1–3). Губернатор поручал тщательное расследование исправнику того уезда, где была замечена активность агента (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8454. Л. 2–3), а исправник делегировал производство дознания становым приставам. Обязательными элементами дознания становились опросы жителей тех деревень, откуда трудовые мигранты отправились за границу при посредничестве агента, — в том числе родственников мигрантов или их самих, пойманных на приграничных железнодорожных станциях без надлежащих документов и водворенных на место жительства (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1671. Л. 2–3; Ф. 1. Оп. 9. Д. 2199. Л. 2–3 об., 38–39 об.). Опрашивали и самих агентов или их предполагаемых помощников, разъезжавших по деревням и предлагавших услуги содействия в отправке за границу (НИАБ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 159 об.). В домах агентов производились обыски (Там же. Л. 157; Ф. 706. Оп. 1. Д. 1. Л. 18), от результата которых часто зависел дальнейший ход дела. Так, если были найдены письма соответствующего содержания на «еврейском языке»[1], брошюры и бланки иностранных пароходных компаний, записки с маршрутами проезда к границе и расписки в получении денег (НИАБ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 158–159; Ф. 706. Оп. 1. Д. 1. Л. 19–48 об.), агент мог получить административное наказание. Результаты дознания вместе с постановлением уездного исправника препровождались губернатору, который составлял на основании полученных сведений представление министру внутренних дел, а также осведомлялся у прокурора местного окружного суда, не встречается ли со стороны его ведомства препятствий к исполнению административного наказания (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1646. Л. 5–7).

Согласно Положению, в Санкт-Петербурге созывалось Особое совещание при министре внутренних дел, под председательством товарища министра, из четырех членов — двух от МВД и двух

1 Подавляющее большинство агентов были евреями, проживающими в черте оседлости (Тудоряну 1986, с. 130).

от Министерства юстиции, — которое и решало судьбу эмиграционного агента. Рассмотрев присланные губернатором материалы, Совещание назначало срок административной высылки агента (как следует из ст. 36, он составлял от одного года до пяти лет (ПСЗРИ 1885, с. 266)) и определяло, будет ли он помещен под гласный надзор полиции. Случаи высылки в отдаленные губернии (например, Вологодскую или Олонецкую) были редки (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8453. Л. 14; Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 159 об.; Ф. 706. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 об.). Чаще дело ограничивалось запретом проживания в пограничных губерниях и той, где агент был прописан и вел свою деятельность, иногда к перечню добавлялись смежные губернии (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1646. Л. 12; Ф. 1. Оп. 9. Д. 1653. Л. 11–11 об.; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8085. Л. 26). Срок высылки действительно составлял в основном два-три года, причем в случаях, когда агент ранее не привлекался к ответственности, не признавал вину и не хранил изобличающих его документов, мог быть сокращен до одного года (НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8085. Л. 10 об.; Ф. 705. Оп. 1. Д. 9. Л. 159 об.–160, 161 об.). Если уличенный посредник неоднократно подвергался административной высылке по Положению, но не оставлял свою деятельность, срок увеличивался до максимальных пяти лет с одновременным расширением перечня запрещенных для проживания губерний и помещением под гласный надзор полиции (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2213. Л. 15; Ф. 1. Оп. 9. Д. 2201. Л. 17–17 об.).

Необходимо заметить, что временной фактор срока высылки сам по себе не дает ответ на вопрос, почему система административного наказания по Положению не приводила к уменьшению численности агентов и снижению интенсивности зарубежной трудовой миграции. Количество эмиграционных агентов в западных губерниях продолжало расти. В Кобринском уезде Гродненской губернии по состоянию на 1910 г. было выявлено 22 тайных агента, из которых лишь 10 подверглись административному наказанию (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 29 об.). С января 1912 г. по начало июля 1913 г. в различных уездах Гродненской губернии было привлечено к переписке в порядке Положения 36 тайных агентов, больше половины были высланы (Там же. Л. 245). Из Минской губернии за 11 месяцев 1913 г. было выслано 39 агентов, причем из замечаний полицейских властей по этому поводу следовало, что такое количество высланных крайне мало в сопоставлении с общими размерами тайного эмиграционного промысла (Там же. Л. 7 об.).

Территориальные аспекты применения Положения о государственной охране не только предопределили его уже отмеченную неэффективность, но и во многом способствовали расширению в восточном направлении районов выхода трудовых мигрантов. Во-первых, следует подчеркнуть, что большинство решений Особого сове-

щания предоставляли эмиграционному агенту свободу в выборе его нового места жительства. Свобода эта, однако, вследствие этнического происхождения агента была ограничена чертой еврейской оседлости. Вполне естественно, что мещанин-иудей из Кобринского уезда и крестьянин-католик из Белостокского уезда, которым запретили проживание в Гродненской, Минской и пограничных губерниях, избирали находящиеся неподалеку Могилёвскую или Витебскую губернии (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1671. Л. 13; Ф. 1. Оп. 9. Д. 2201. Л. 22). В ситуации отсутствия гласного полицейского надзора агент мог, с известной осторожностью, периодически посещать прежний район своей деятельности и успешно ее продолжать (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1724. Л. 2). Более того, агенты получали возможность распространять сведения о хорошем заработке за рубежом и предлагать посредничество в месте высылки. Если в 1910 г. минский губернатор отмечал, что эмиграционное движение больше распространено в среде евреев-ремесленников, чем в среде крестьян, а могилёвский писал об отсутствии в губернии тайных агентов (РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1241. Л. 143, 146 об.), то уже в 1914 г. в канцелярии могилёвского губернатора упоминали о «заметном стремлении» крестьян к выезду в Америку нелегальным путем в связи с активностью эмиграционных агентов (РГИА. Ф. 395. Оп. 2. Д. 2873А. Л. 94), а минский губернатор вследствие усилившегося выезда крестьян за границу даже созвал совещание полицейских чиновников, посвященное выработке мер для «искоренения» «зла» нелегальной миграции (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8).

Во-вторых, в течение долгого времени в решениях Особого совещания наблюдалась тенденция к смягчению наказаний, предлагаемых губернаторами, в части длительности срока высылки и количества запрещенных для проживания губерний. Случалось, что губернатор запрашивал для агента ограничение проживания в Гродненской и соседних с нею Виленской и Минской губерниях до трех лет, а Совещание останавливалось на Гродненской и пограничных губерниях и сроке в два года (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1646. Л. 6 об., 12). Тенденция начала меняться только накануне Первой мировой войны. В начале 1913 г. Совещание согласилось с запросом гродненского губернатора и назначило агенту Михелю Бурштейну три года высылки из Гродненской, Минской, Виленской и Седлецкой, а также пограничных губерний (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1671. Л. 6, 11). В апреле 1914 г. Симха и Мовша Хандовские вместо предложенных гродненским губернатором трех лет в одной из отдаленных местностей империи получили запрет на жительство в течение пяти лет во всех губерниях Привислинского, Северо-Западного и Юго-Западного краев, а также в Бессарабской, Курляндской, Минской, Могилёвской, Херсонской и Холмской. Тем не менее

такая административная строгость нивелировалась свободой выбора нового места жительства — и агенты отправились в Двинск Витебской губернии (Там же. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2213. Л. 9 об., 15, 20), который наравне с Гомелем Могилёвской губернии был пунктом назначения многих посредников, высланных в административном порядке.

В-третьих, эмиграционные агенты в отдельных случаях использовали стратегию прошений как для пересмотра решений Совещания, так и для посещения места прошлого жительства и даже для выезда за границу на время высылки. Так, в результате пересмотра второго дела Михеля Бурштейна (на этот раз ему грозил пятилетний срок вне пределов губерний, перечень которых был близок к упомянутому в деле Хандовских) министр внутренних дел позволил агенту выехать за границу — с условием о помещении под гласный надзор в случае возвращения в империю раньше ноября 1918 г. (НИАБ в Гродно. Ф. 1. Оп. 9. Д. 1724. Л. 10, 19). Временное возвращение в место проживания с целью уладить личные дела и навестить больных и престарелых родителей перед отъездом за границу также разрешалось министром внутренних дел после предварительного осведомления у губернатора и уездного исправника о целесообразности такого разрешения (Там же. Л. 23–27). Иногда разрешения на приезд в родной город или местечко выдавались с осторожностью: местным полицейским чиновникам было известно, что под видом посещения родственников агент может продолжать свою деятельность — тем более что эмиграционный промысел часто становился семейным занятием (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 244; НИАБ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1. Л. 2).

Потенциальные решения обозначенных сложностей в применении Положения о государственной охране предложило вышеупомянутое совещание полицейских чиновников Минской губернии. Среди рекомендаций, принятых по итогам двухдневного заседания в ноябре 1913 г., были строгая регистрация и фотографирование всех причастных к нелегальному миграционному промыслу, обязательный обмен информацией о тайных эмиграционных агентах между чинами полиции соседних губерний, тесное сотрудничество с жандармскими управлениями. Чиновники признавали, что высылка в соседние губернии без установления полицейского надзора «является мерою недостаточной», и предлагали ввести единый порядок, при котором агенты подвергались бы гласному надзору полиции в определенной местности вне пределов Царства Польского, Северо- и Юго-Западного края, а также Могилёвской губернии, «как соседней с Минской и служащей ныне главным местом, куда стекаются тайные эмиграционные агенты, высланные из других губерний» (НИАБ в Гродно. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 7 об.–8). Как бы то ни было, для введения намеченных мер в рутинную практику полицейских

и гражданских учреждений не хватило времени: с началом Первой мировой войны направления, характер и интенсивность миграционных потоков изменились до неузнаваемости, и проблемы регулирования трудовой миграции из Российской империи так и не получили окончательного разрешения.

Выводы

Отсутствие единого эмиграционного закона в Российской империи, охранявшего интересы зарубежных трудовых мигрантов и регламентировавшего деятельность пароходных компаний и агентов по продаже билетов наподобие германского, итальянского или венгерского законодательства, обусловило внимание имперских властей к административным практикам управления мобильностью. В ситуации, когда паспортное законодательство и связанные с ним уголовно-правовые нормы неуклонно устаревали и игнорировались не только мигрантами, но и чиновниками, необходимо было выработать единые стандартизированные процедуры для контроля все более интенсивных миграционных потоков. Одной из таких процедур было систематическое применение статьи 62 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, для взыскания денежных штрафов с крестьян, отправлявшихся на заработки за рубеж без установленного заграничного паспорта. Тем не менее угроза штрафа не останавливала решившихся пересечь западную границу империи нелегальным путем — тем более что легальный был дорогим, запутанным и долгим.

Другая процедура контроля, на этот раз за деятельностью эмиграционных агентов-посредников, была связана с применением Положения о государственной охране для административной высылки тех из них, кто способствовал тайному переходу границы трудовыми мигрантами. Вследствие новой «смягчающей» формулировки статьи 328 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в которой подговор к оставлению империи был заменен на распространение ложных слухов о выгодах переселения за границу, окружные суды с 1906 г. закрывали дела о злоупотреблениях эмиграционных агентов. В результате привлечение к административной ответственности оставалось едва ли не единственным механизмом, теоретически позволяющим ограничить и пресечь, хотя бы временно, активность агентов-посредников. Однако на практике возникали сложности, связанные в первую очередь с пространственными аспектами применения Положения. Свобода выбора агентом места высылки в сочетании со спецификой черты еврейской оседлости (большинство эмиграционных агентов были евреями), частое отсутствие запрета на проживание в губерниях, соседних с той, где посредник вел свою

противозаконную деятельность, а также успешно реализуемая агентами стратегия прошений о пересмотре дела и временных визитах в прошлое место жительства привели к обратному эффекту. Активность агентов не только не уменьшалась в изначальных районах проживания, но и распространялась на соседние губернии в восточном направлении (из Гродненской — в Минскую, из Минской — в Могилёвскую и Витебскую), где накануне Первой мировой войны резко возросло число зарубежных трудовых мигрантов среди крестьян.

Таким образом, механизмы, предусмотренные имперским уголовным и паспортным законодательством, оказались недостаточно действенными для регулирования трудовой миграции за границу. Вместе с тем практики применения административного права не были адаптированы для охраны интересов мигрантов. Изменения в уголовном законодательстве в сочетании с систематическим использованием Положения о государственной охране в качестве инструмента контроля за деятельностью эмиграционных агентов, с одной стороны, способствовали упрощению и стандартизации легальных процедур, с другой — приводили к неуклонному возрастанию интенсивности зарубежных миграционных потоков.

Список источников / References

Иванов А. А., Котов А. Э. (2020) Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX — начало XX века). *Новейшая история России*, 10 (1), с. 70–88. EDN: MEHJTF. https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.105

— Ivanov A. A., Kotov A. E. (2020) The Economic Importance and the Attempts to Regulate the Foreign Labor Migration in the Western Part of the Russian Empire (late 19th — early 20th Century). *Modern History of Russia*, 10 (1), pp. 70–88. https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.105. (in Russ.)

Кабузан В. М. (2004) Движение населения в Российской империи. *Отечественные записки*, 4(19). EDN: UIUXWB. URL: https://strana-oz.ru/2004/4/dvizhenie-naseleniya-v-rossiyskoy-imperii (дата обращения: 25.11.2024).

— Kabuzan V. M. (2004) Population Movement in the Russian empire. *Otechestvennye zapiski*, 4(19). URL: https://strana-oz.ru/2004/4/dvizhenie-naseleniya-v-rossiyskoy-imperii (accessed: 25.10.2024). (in Russ.)

Комаров В. С. (2024a) Организация нелегальной эмиграции на западных окраинах Российской империи в конце XIX — начале XX в. *Российская история*, (1), с. 49–66. EDN: CNSKOY. https://doi.org/10.31857/S2949124X24010059

— Komarov V. S. (2024a) Organization of Illegal Emigration on the Western Outskirts of the Russian Empire in the Late 19th — Early 20th Century. *Russian History*, (1), pp. 49–66. https://doi.org/10.31857/S2949124X24010059 (in Russ.)

Комаров В. С. (2024b) «Тайная» эмиграция через западную границу Российской

империи в конце XIX — начале XX века: мотивы, механизмы, противодействие властей. *Вестник Пермского университета. История*, 4(67), с. 20–29. https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-4-20-29

— Komarov V. S. (2024b) "Secret" Emigration across the Western Border of the Russian Empire in the Late 19th and Early 20th Centuries: Motives, Mechanisms, and Government Resistance. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 4(67), pp. 20–29. https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-4-20-29. (in Russ.)

ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи) (1885). Собрание третье. Т. I. № 1–585. СПб.

— PSZRI (Full Collection of Laws of the Russian Empire) (1885). Sobranie 3. Vol. I. № 1–585. St. Petersburg. (in Russ.)

Тизенко П. (1909) *Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910*. Либава.

— Tizenko P. (1909) *Emigration Question in Russia, 1820–1910*. Libava. (in Russ.)

Тудоряну Н. Л. (1986) *Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США)*. Кишинёв: Штиинца.

— Tudorianu N. L. (1986) *Reviews of Russian Labor Emigration in the Period of Imperialism (To Germany, Scandinavia and the USA)*. Kishinev: Shtiintsa Publ. (in Russ.)

Тудоряну Н. Л. (2000) *Эмиграционная политика и законодательство России в начале XX века*. Кишинёв: Кишинёв. гос. пед. ун-т им. И. Крянгэ.

— Tudorianu N. L. (2000) *Emigration policy and legislation of Russia in the early 20th century*. Kishinev: Kishinev state univ. Publ. (in Russ.)

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года (1886) Н. С. Таганцев (изд.). СПб.: Тип. М. Стасюлевича.

— Penal Code (1886) Comp. by N. S. Tagantsev. SPb.: M. Stasyulevich Publ. (in Russ.)

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года (1908) Н. С. Таганцев (изд.). СПб.: Государственная типография.

— Penal Code (1908) Publ. by N. S. Tagantsev. SPb.: State Publ. house. (in Russ.)

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, с дополнениями по 1 января 1879 г. (1879). Н. С. Таганцев (сост.). СПб.: Тип. М. Стасюлевича.

— Statute of Punishments Applicable by the Justices of the Peace (1879) Comp. by N. S. Tagantsev. SPb.: M. Stasyulevich Publ. (in Russ.)

Устав о паспортах. Издание неофициальное (1913) Л. М. Роговин (сост.). СПб.: Изд. Юр. книжн. маг. И. И. Зубкова под фирмою «Законоведение».

— Passport Statute. Unofficial Edition (1913) Comp. by L. M. Rogovin. St. Petersburg: Yur. knizhn. mag. I. I. Zubkova pod firmoyu "Zakonovedenie" Publ. (in Russ.)

Чернуха В. Г. (2007) *Паспорт в России. 1719–1917*. СПб.: Лики России. EDN: YLWIJR

— Chernukha V. G. (2007) *Passport in Russia. 1719–1917*. St. Petersburg: Liki Rossii Publ. (in Russ.)

Яновский С. Я. (1909) Русское законодательство и эмиграция. *Журнал Министерства юстиции*, (4), с. 86–114.

— Yanovskii S. Ya. (1909) Russian legislation and emigration. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*, (4), pp. 86–114. (in Russ.)

Яшунский И. (1911) Проекты русского закона об эмиграции. *Право*, (51), стб. 2891–2906.

— Yashunskiy I. (1911) Projects of Russian emigration law. *Pravo*, (51), col. 2891–2906. (in Russ.)

Akelev E. V., Gornostaev A. V. (2023) Millions of Living Dead: Fugitives, the Polish Border, and 18th-Century Russian Society. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 24(2), pp. 269–297. https://doi.org/10.1353/kri.2023.0016

Borisova T., Burbank J. (2018) Russia's Legal Trajectories. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 19 (3), pp. 469–508. https://doi.org/10.1353/kri.2018.0027

Burbank J. (2006) An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7 (3), pp. 397–431. https://doi.org/10.1353/kri.2006.0031

Green N. (2005) The Politics of Exit: Reversing the Immigration Paradigm. *The Journal of Modern History*, (77), pp. 263–289. https://doi.org/10.1086/431815

Green N., & Weil F. (Eds.). (2007) *Citizenship and Those Who Leave*. Chicago: University of Illinois Press.

Kukushkin V. (2007) *From Peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusan Immigration from the Russian Empire to Canada*. Montreal: McGill-Queen's University Press.

Lohr E. (2012) *Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union.* Cambridge: Harvard University Press.

Pešalj J., Steidl A., Lucassen L., & Ehmer J. (Eds.). (2023) *Borders and Mobility Control in and between Empires and Nation-States*. Leiden: Brill.

Pianciola N. (2020) Illegal Markets and the Formation of a Central Asian Borderland: The Turkestan–Xinjiang opium trade (1881–1917). *Modern Asian Studies*, pp. 1–48. https://doi.org/10.1017/S0026749X18000227

Zahra T. (2016) *The Great Departure: Mass Migrations from Eastern Europe and the Making of the Free World*. New York, London: W. W. Norton and Company.

Zahra T. (2014) Travel agents on trial: policing mobility in East Central Europe, 1889–1989. *Past & Present*, (223), pp. 161–193. https://doi.org/10.1093/pastj/gtu002

Об авторе / About the author

Рулева Галина Евгеньевна — аспирант департамента истории Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург. Научные интересы: история миграций, история поздней Российской империи, административная и правовая история, глобальная история империй, исследования мобильности.

ORCID: https://orcid.org/0009-0007-2976-4687. E-mail: galinaruliova@yandex.ru

Halina Ruleva — PhD student at the History Department, HSE University, St Petersburg. Research interests: migration history, history of the late Russian empire, administrative and legal history, global history of empires, mobility studies.

ORCID: https://orcid.org/0009-0007-2976-4687. E-mail: galinaruliova@yandex.ru